

Часть вторая. Слух

Джон (Пантелеймон)

Мануссакис

Бог после метафизики

Аллегория слуха

Благовещение имеют тройное отношение к чувству слуха. Согласно буквальной интерпретации, **Благовещение** – это произнесенное ангелом извещение, которое, следовательно, было услышано. Согласно аллегорической интерпретации, Мария зачала Слово Божье посредством слуха (*conceptio per aures*, иначе говоря, от слышания: ex auditu), – ведь разве не надлежало Ей принять живое Слово посредством органа, наиболее соответствующего речи и ее восприятию? Наконец, согласно типологическому чтению, как Ева преступила волю Божью по преслушанию, доверившись своему слуху (ἄκοη'), так Вторая Ева – в прекрасном

Орфей же фигурировал в христианском искусстве, начиная с символических рисунков на стенах катакомб, как прообраз Христа. Его *керигма* – это *новая песнь*, пленительная красота которой привлекает к Нему всякое создание. Как воплощенное Слово (вновь сочетавшее в гармонии Божественное и человеческое естество), **Он Сам является музыкой, наполняющей небеса, землю и – после Его орфического схождения в Аид – даже преисподнюю.**

В текстах Платона **хора** представляет собою ответ на вопрос, выдвинутый Тимеем : **«Что есть вечно возникающее, но никогда не сущее?»** Хора– это «концептуальное» приспособление, предназначенное поддерживать мир Идей. Платон использует ее в качестве ответа своим критикам, поскольку **лишь хора способна объяснить, как устроен этот мир.** Ведь теории Идей (или Форм) угрожают две опасности, которых вынужден был избегать Платон: (1) понятие «приобщения» чувственного мира умопостигаемому могло предполагать некоторый «контакт», а значит, «смешение» одного с другими –и (2) если чувственный мир считается совершенно отчужденным от Идей, то окружающие нас вещи утрачивают всякое онтологическое основание, а значит, ничто не может гарантировать их существования. **Платон избежал обеих опасностей, вводя хору, то есть что-то, что не является ни чувственным, ни умопостигаемым.**

Хору следует рассматривать как своего рода зеркало: на ее неизмеримой поверхности отражаются вечные Идеи, не смешиваясь со своими отражениями. Отражения по-настоящему не существуют. «Сущей сущностью» обладает только отражаемая Идея. И одно с другим никогда не «соприкасается». Однако в процессе отображения рождается отражение (т.е. чувственная вещь), наделенная определенным бытием, хотя условным и временным. При этом само зеркало (**хора**) **ничего не «претерпевает».** Она вообще не «есть» что-либо конкретное. Покуда Идея отображается, она «дает место» отражению; как только процесс отображения прекращается, «зеркало» вновь становится тем, чем было: безымянной, безвидной, безразличной

Таким образом, хора, в качестве посредника или третьего онтологического звена, отделяющего бытие от становления, предотвращает и даже воспрещает совпадение того, что истинно есть (Идей) с тем, чего, по сути, нет (их чувственными отражениями). **Тем самым, хора делает возможным язык.** Сама хора не может быть объектом языка, разумеется, но без *хоры* язык был бы невозможен. Как бы мы могли говорить, спрашивает Платон, о том, что принадлежит бесконечному потоку? Как бы мы могли это именовать? Разве оно не утекает сквозь наши пальцы, не дожидаясь, пока мы дадим ему имена? То, что мы именуем, говорит Платон, – это не что иное, как «отпечатки» (τυποθεΐντα, ἐντιτω΄σεις), оставляемые Идеями на бесформенном вместилище (ὑποδοχη΄ν) – на хоре. Следовательно, она (хора) и есть та единственная вещь, которую может наименовать язык, и, именуя ее, язык обретает свое бытие.

Церковь Христа Спасителя в Полях (греч. ἡ Ἐκκλησία τοῦ Ἁγίου Σωτῆρος ἐν τῇ Χώρα) из ансамбля **монастыря Хоры** — наиболее сохранившая свой первоначальный вид византийская церковь в Стамбуле. С 1948 по 2020 года функционировала как музей Карие. Хора вернулась к жизни как островок Византии посреди современного исламского города в результате реставрационных работ в 1947-1952 годах. Восстановлением занимались специалисты из Византийского института Америки и Центра византийских исследований. В монастыре открылся музей Карие.

21 августа 2020 года власти Турции решили превратить музей в мечеть, разрешение на это

Необыкновенные фрески и мозаики монастыря Хора, датируемые XIV в., объясняют его необычное название. В его иконографическую программу входят изображения Богородицы и Христа с одинаковой надписью: «ἡ χῶρα» (*хора*). Причем Богородица названа ἡ χῶρα τοῦ ἀχωττη' του (*Вместилище Невместимого*). Иконография Марии как хоры указывает на Ее роль как орудия Воплощения. При Воплощении Мария, как Платонова хора, служит Посредником между божественным и человеческим, *третьим родом*; Подобно вместительной хоре, Мария принимает в Свое тело всю полноту Божества, в то же время не присваивая Его. Таким образом, Она – парадокс, антиномия, хора, Приятелище

Эпитет «Хора» был дан Богородице неизвестным автором знаменитого Акафиста (гимна V-VI в. в 24 песнях, расположенных по алфавиту, поныне входящего в богослужение Православной Церкви); в 15 песни, которая начинается с буквы омикрон, мы читаем: Χαῖρε, Θεοῦ ἀχωρη'του χῶρα («Радуйся, Бога невместимаго вместилище»). Сам Христос на иконе назван «ἡ χῶρα τῶν ζῶντων (хора всего живого). Христос – это *par excellence* хора, содержащая всю полноту человечества и всю полноту творения, не смешиваясь с ними, в Своей воплощенной личности. Воплощенный Христос обладает теми же свойствами, которые характеризовали *слово-сочетание* Его рождения: не просто Бог и не только Человек, но Бог и Человек; не просто

Если неопи­с­уе­мое может быть опи­сано и не­пред­ставимое изоб­ра­жено на иконе бла­го­даря плоти Воплощен­ного (как было по­ка­зано в пер­вой части), то что пре­пят­ствует сде­лать ана­ло­гичное пред­по­ло­же­ние и о языке? А имен­но что бла­го­даря Сло­ву, сде­лав­ше­му­ся плотью, тварная плоть может про­из­но­сить не­име­нуе­мое и не­из­ре­чен­ное Сло­во. И если икона ока­зала­ся под­хо­дящим при­ме­ром, олицет­во­ря­ю­щим, ска­жем так, эту новую па­ра­диг­му ви­де­ния, то не может ли гимн слу­жить при­ме­ром «икони­че­ского» языка?

Человеческому уму, желающему достичь Бога, предлежит невозможная задача: он должен пройти через стену *coincidentia oppositorum* [совпадения противоположностей], которая, подобно обращающемуся огненному мечу херувима (Быт.3:24), охраняет врата Рая. Но переход через эту стену огня означает смерть разума и предикативного языка (ведь здесь **нарушаются два наиболее лелеемых логикой принципа, непротиворечия и тождества**); то есть наш язык должен оставить себя по эту сторону.

Что это значит, стоять на пороге совпадения противоположностей? И каким языком можно там говорить, если там вообще возможно говорить? Какова разница между языком утверждающим и языком славословящим? Как и на всяком пороге, различие между внутренним и внешним здесь размывается. Во-первых, упраздняется эпистемологическое различие между умом и чувствами, между умозрительным и чувственным («Ты там, где говорить, слышать, вкушать, осязать, рассуждать, знать и понимать – одно и то же»). Во-вторых, уничтожается различие между субъектом и объектом («где совпадает видеть и быть видимым, слышать и быть услышанным, вкушать и быть вкушаемым, осязать и быть осязаемым»)

Поиск (ζήτησις) Бога, Возлюбленного *Песни песней*, обречен на неудачу до тех пор, пока он ограничивается познанием (γνῶσις). В этой неудаче не следует винить неспособность познающего, – ее причина заключается скорее в «непознаваемости» (ἀγνώστῳ) Самого Бога.

Первый симптом Его «непознаваемости» – это недостаточность языка для именованя Бога.

Григорий Нисский (цитируя Флп.2:9) формулирует этот парадокс таким образом: «как званием по имени мог быть найден Тот, Кто «выше всякого имени»?».

**Язык терпит поражение, потому что
Возлюбленный не принадлежит тому порядку
где может полноправно функционировать**

Радикальная непознаваемость Бога, усугубляемая, как нетрудно догадаться, столь же радикальной неизреченностью, - это ключевая категория мысли св. Григория. Бога можно узнать по тому, что Он непознаваем, – это единственный «признак» Его естества. Что мы здесь встречаем – это обозначение границы (человеческого познания) – но в этом нет ничего нового. Однако это обретает решающее значение при следующем шаге: речь идет о признании, что эта граница одновременно составляет наивысшую точку познания Бога. Иными словами, знание дается нам лишь в момент поражения нашего разума, в неудачной попытке познания Бога. Мы приходим к познанию искомого лишь тогда, когда сталкиваемся с болезненным и смиряющим нас

**Attingitur inattingibile
inattingibiliter [недостижимое
достигается через
посредство его
недостижения)**

Николай Кузанский

Эпиграф к работе

С. Л. Франк. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии